

Пролог

Москва, Россия, февраль

Подписав последний документ из ежедневной стопки бумаг, он велел секретарше распорядиться о машине. Затем еще раз проверил почту на ноутбуке, выключил его, уложил в специально для него купленную мягкую и прочную кожаную сумку, подхватил свободной рукой пальто и направился к выходу.

Рабочий день известного московского финансиста Бориса Раевского на этом не заканчивался. Наоборот, в офисе он проводил время, необходимое только для предварительно расписанных личных встреч, которые нужны были по большей части тем, кто их искал, либо же — кому Раевский их назначал. Более эффективной была работа вне офиса. Потому кирпичики его небольшой, но крепкой бизнес-империи складывались за его пределами. В отдельных кабинетах небольших ресторанов, переговорных комнатах депутатских приемных, загородных резиденциях старых и новых партнеров. Или на международных форумах. Именно там финансисты — не только российские — чувствовали себя наиболее уютно и безопасно.

С утра в Москве стояла сырая, слякотная, вполне типичная для февраля погода. Туман, опустившийся на центральную часть города грязной, влажной дымкой, не оставлял никаких надежд на то, что сегодня передвижение по дорогам можно хоть как-то рассчитать. В обычные дни, не такие пасмурные, знаменитые, как оказалось в конце прошлого года, московские пробки имели хоть какую-то пропускную способность. Доки-водители знали наверняка, в какой временной промежуток нужно выехать, чтобы проскочить и застрять

ненадолго. Не загрузнуть в пробках совсем для российской столицы уже невозможно. Это признал недавно даже глава государства. А сменивший, казалось, вечного Лужкова новый городской голова сначала пообещал президенту, москвичам и гостям города разобраться с пробками, но потом публично заявил: единственный выход — уменьшить количество машин, ибо расширить проезжую часть уже не получится, потому что тогда придется вообще отказаться от тротуаров, что само по себе абсурдно.

Когда же в Москве начинались снегопад, дождь, гололед или, как вот теперь, появлялся туман, часы пик становились бесконечными, превращаясь в один длинный безнадежный затор, преодолеть который можно было разве на метро или, как вариант, на вертолете. Оба варианта для московских автомобилистов, пусть даже таких обеспеченных, как Борис Раевский, не подходили категорически. Потому финансист в подобных случаях не особо засиживался в кабинете. Работать с тем же успехом можно было и на заднем сиденье «лексуса», который Раевский давно окрестил своим офисом на колесах.

До важной встречи на Юго-Западе оставалось чуть больше двух часов, и при хороших раскладах он добрался бы скорее. Однако сегодня финансист сделал вполне логичную поправку на туман и слякоть и, подходя к лифту, дал знать партнеру, что уже выдвигается, но заторы все-таки нужно учитывать. Услышав в ответ, что все в порядке и его ожидают, он сунул телефон в карман брюк. Пальто надевал уже в лифте, сумку с ноутбуком держал один из охранников, тот, который шел сзади. Второй, двигавшийся впереди, то и дело поправлял пуговку наушника в левой ушной раковине, докладывая кому-то невидимому о перемещениях шефа. У лифта, расположенного в конце коридора, дежурил еще один страж, в чьи обязанности входило также нажимать кнопку вызова подъемника. А внизу, в холле офисного центра, помимо охраны, обеспечивающей режим во всем здании, находились еще двое, охраняющие самого Раевского. Когда финансист, уже в пальто, вышел из кабины лифта, эта парочка

стражников тут же ловко, быстро, профессионально, то есть незаметно для окружающих, обступила шефа так, чтобы тот оказался прикрытым с двух сторон. Тот, кто вышел из лифта первым, оказался во главе образовавшегося клина и контролировал фарватер, а четвертый охранник прикрывал тыл от возможного нападения. Для добрых молодцев, расположившихся в холле, в происходящем не было ничего необычного. Наоборот, не дожидаясь особого распоряжения, один из них нажал кнопку, разблокировав стеклянные половинки парадного входа, и Раевский с эскортом проследовал на улицу, к поданному точно в указанное время «лексусу» с тонированными стеклами.

Меры предосторожности только для непосвященных выглядели паранойей.

С конца прошлого года Раевского пытались убить трижды, причем последний раз — всего две недели назад, прямо здесь, у входа в офисный центр. Правда, всякий раз попытки выглядели скорее акцией устрашения, чем реальным намерением отправить господина финансиста на тот свет. Понимая, что однажды тем, кто не может с ним договориться, надоест пугать и они откроют огонь на поражение, Раевский решил ускорить события и как можно быстрее, пусть даже не на идеальных для себя, хотя все равно выгодных условиях, завершить переговоры и получить тендер на строительство многоуровневого паркинга. Это как раз то направление, которое московские власти считают приоритетным в развитии инфраструктуры десятиmillionного города. Значит, инвестировать в такие объекты тем выгоднее, что в них, как в бездонном колодеце, вполне вероятно — без особого риска быть пойманным — утопить немалое количество денежных средств.

Разумеется, за возможность получить тендер началась настоящая война взяток. Сначала ситуацию осложняло то обстоятельство, что шансом практически бесконтрольно отмывать деньги на строительстве государственного значения заинтересовались сразу три крупные преступные группы, одна из которых уходила корнями через Южный Федеральный

округ в Чечню. Но вскоре оказалось, что именно благодаря интересу крупных акул мелкая рыбешка благоразумно расплывалась, и теперь под ногами путалось очень мало лишних игроков. Потом «чеченцев» подвинули, воспользовавшись тем, что родственник одного из заинтересованных лиц проживал в Хасавюртском районе Дагестана, как раз там, откуда родом террористка, устроившая взрыв на станции «Парк культуры». Понимая, что при желании им могут пришить соучастие, кавказцы, для порядка поартачившись, все же отступили. И сейчас, после более чем полугода упорных боев, Борис Раевский знал, насколько крепки его позиции. Ведь в результате многоходовых комбинаций он заручился мощным лобби крупного государственного чиновника, стоявшего за одной из групп.

Конкуренты, более откровенные и наглые бандиты, видели только один способ выиграть — чиновники должны договориться между собой на более высоком уровне. Для этого лоббист противника должен получить некую сумму, после чего уступить место коллеге. И при таком раскладе Раевский вылетает из схемы автоматически. Правда, возможен другой, более простой вариант: отступное берет сам финансист и не участвует в тендере, в перспективе получая другой, не менее выгодный способ вкладывания денег. Но в таком случае Раевский подставляет своего лоббиста, который остается с носом, и в лучшем случае просто разочаровывает и теряет влиятельного партнера в Думе, в худшем — наживает врага, что для финансиста нежелательно. Зная, что политикам между собой договориться все-таки проще, Раевский решил ускорить события, чтобы в результате скрепленные официальными подписями договоренности обратной силы не имели.

Как только это случится, необходимость убивать Бориса Раевского и радикальным способом вывести его из игры отпадет. Ведь в таком случае это будет всего лишь устранение физического лица, тендер останется за его финансовой группой, и тогда уж его точно никто из рук не выпустит: слишком явно просматривается заказчик, слишком многих придется задей-

ствовать для прикрытия. А значит, слишком многих партнеров подставлять.

Потому господин Раевский и не поддался на угрозы. Ему удалось продержаться, и сейчас, выдвигаясь в сторону Юго-Запада, он готовился праздновать победу. Последние препятствия, мешающие получить желанный тендер, устранены, через два часа все окончательно произойдет, и уже завтра с утра эта информация, как не очень значительная, пройдет одной бегущей строчкой в выпусках новостей и будет продублирована деловым сегментом Интернета.

Всего одна строчка, на которую народ, жаждущий новостей погорячее, не обратит внимания. Информация заинтересует всего несколько десятков человек и будет означать этакий локальный акт о безоговорочной капитуляции конкурентов Бориса Раевского...

Усевшись, как обычно, сзади, финансист с удовольствием откинулся на мягкую спинку сиденья и на несколько секунд прикрыл глаза. Водитель, знакомым жестом поправив козырек кепки, которую он все время надвигал на глаза, не задавая вопросов, завел мотор. Машина Раевского тронулась, и ему даже не надо было оглядываться, чтобы лишний раз убедиться: автомобиль, в который загрузились охранники, двинулся за ним, держась так, чтобы между его «лексусом» и машиной сопровождения никто посторонний не смог вклиниться. То же самое происходило впереди — там никого не пропускал между своим бампером и капотом «лексуса» еще один джип. Борис Раевский поймал себя на том, что уже привык к усиленной охране и после того, как все закончится, вряд ли захочет снова перевести своих церберов в обычный режим работы.

В конце концов, так солиднее, решил он.

Обычно Сергей, его водитель, старался по возможности объезжать наиболее проблемные московские улицы, даже иногда позволяя себе проскакать по тротуарам или ехать по встречной. Но сегодня «лексус» следовал за головной машиной на скорости, которая с приближением кольцевой дороги все больше становилась похожей на черепашку. Раевский